

Бакланов В.И.
кандидат исторических наук, доцент,
Институт государственного управления,
права и инновационных технологий,
г. Москва, Российская Федерация

Культура, общество и церковь в условиях российского периферийного капитализма. Историко-культурный анализ

*«Будущее не наступает само по себе, оно всегда кем-то
создается. Наше будущее создадим или мы сами, или
за нас нашей стране его придумают и навяжут другие»¹*

1. Россия в историческом тупике капиталистической периферии.

По мнению историка Андрея Фурсова, культурная модернизация может быть двух видов: прогрессивная и регрессивная. Если прогрессивная культурная модернизация неизбежно повышает уровень как высокой, так и бытовой культуры и нравственности, то регрессивная модернизация разрушает ткань старой культуры и воспроизводит тотальное отрицание жизнеспособных смыслов культуры². В результате негативной модернизации в обществе возникает нигилизм, архаизация общественных отношений, сведение их к варварству. В ходе такой модернизации явственно проступают, казалось бы, навсегда забытые обществом примитивные формы общественной жизни, появляется слегка сдобренное Модерном неоязычество и варварство современности.

Сказанное целиком относится к постсоветской России прошедшей через горнило реакционного прогресса в 1990-е годы и приукрашенного фальшивой позолотой культуры гламура и нефтегазовой ренты нулевых годов XXI века. Когда под ширмой объявленной властями демократизации и вхождения страны якобы в цивилизованный клуб развитых стран, Россию на деле ждало возвращение в самую примитивную общественную архаику. Только несколько примеров. На Северном Кавказе вновь вернулись, казалось бы, забытые в советскую эпоху времена первобытной кровной мести, причем в Дагестане, Чечне, Ингушетии, среди «кровников» уже числятся тысячи семей. А в Пензенской области, несколько десятков людей выкопав земляную нору, ушли тем самым из греховного мира, встречать «Конец Света». И это все происходит в России в XXI веке!

Не лучшим образом выглядела и сама отечественная «элита» в эти годы «смутозастоя» регрессивной модернизации. По словам отечественного мыслителя Александра Неклессы, «...новое целеполагание элиты постсоветского помета, пройдя галерею подвижных идеологических метаморфоз... сбросило в конце концов не только личину «социализма с человеческим лицом», но и само «человеческое лицо», обнаружив социальное естество в торжестве животного идеала»³. В то же время российский правящий класс негласно отказавшись от просвещенческого проекта всеобщего «окультуривания народа»⁴, фактически встал на путь колонизатора в собственной стране. Причем в разряд колонизируемого туземного большинства превращено подавляющее большинство россиян, лишенных собственности, статусных чинов и высокого положения. Фактически в России сформировались не одна, а две (неравные по численности) нации, разделенные не наличием разного гражданства (гражданство по большей части у них одно), а иерархичностью и статусным положением в структуре общества, открытостью для одних и закрытостью для других в доступе к общественному пирогу материальных и духовных благ. И если в нации «колонизаторов-прогрессистов» (чиновников, деятелей шоу-бизнеса, крупных предпринимателей) существует корпоративная солидарность, основанная на полукриминальных связях, непотизме и циничной и корыстной этики всеобщего конформизма, то в нации условно называемых «туземцев» дело обстоит все иначе. Здесь по словам философа Андрея Ашкерова идет настоящая холодная гражданская война-«все против всех»⁵. А на практике это означает ненависть, неприязнь, тотальное отсутствие всякой солидарности.

Все это как небо от земли отличалось от высокопродуктивного капиталистического общества на Западе, для которого было характерно: кредит доверия населения к государству, высокий уровень солидарности, взаимопомощи и даже нравственности и гражданского правосознания. Почему? Ведь, не секрет, что эталонным образцом в проведении модернизации

для российской власти (которая является по существу азиатской) и для малочисленного среднего класса выступал и выступает капиталистический Запад. А тем не менее, контраст между Западом и Россией строившей капитализм и демократию по западным лекалам просто разительный. В чем тут дело?

Разница в модерне (прогрессивном или регрессивном) во многом зависит от того какое место занимает та или иная страна в мировой капиталистической миросистеме. Если место ядра или центра этой миросистемы занимают страны с высокотехнологичным укладом экономики, высоким уровнем финансовых накоплений, производительности труда и как следствием высоким уровнем социальной защищенности и гражданских прав и свобод, то страны полупериферии и хуже того периферии не обладают всеми перечисленными качествами.

Если СССР в кратчайшие исторические сроки реализовал успешный проект антикапиталистического «альтернативного Модерна»⁶, с довольно высоким технологическим укладом и социально ориентированной экономикой и обществом, то современная Россия превратилась в глобального поставщика сырьевых ресурсов и финансового донора для ядра капиталистической миросистемы. В итоге, по словам Бориса Кагарлицкого, «российское общество рубежа XX и XXI веков при всех своих постсоветских особенностях приобрело вполне типичные черты периферийного капитализма и жило по его логике. Зависимое положение работника, нищенская заработная плата и слабый внутренний рынок оказались конкурентными преимуществами для сырьевых монополий, ориентированных на спрос мирового рынка»⁷.

Зато, безусловно, в выигрыше оказался узкий элитарный слой новой России, состоявший из бывших партийных чиновников, комсомольских активистов и криминального типа «новых русских». Собственно говоря, сама модель периферийного капитализма и характеризуется предельной недемократичностью, или элитарной модернизацией⁸, где все плоды ее (доступ к приватизации государственности, свобода передвижений, гражданские свободы, качественное образование и т.д.) получает узкая прослойка правящего класса, а не основные массы населения, выпадающие за черту кланового модерна. Именно эта узкая часть российского общества – «сливки общества» оказалась интегрированной в космополитическую верхушку капиталистического центра, живущего в соответствии с модным слоганом: «Элитарии всех стран, развлекайтесь».

Таким образом, российский Модерн или вернее квазиМодерн для искренне радеющих за процветание своей страны патриотов, обернулся профанацией и дискредитацией западного цивилизационного опыта в ходе реформ 90-х годов в России. Однако в этом Запад был несколько не виноват. Разумеется, для Запада иметь Россию в качестве финансового донора и поставщика сырья, а также талантливых, но дешевых умов, значительно выгоднее, чем иметь Россию в качестве серьезного экономического конкурента. К тому же сама капиталистическая миросистема изначально функционирует на основе глобального неравенства и эксплуатации центром мировой периферии. И если российский правящий класс занял капитулянтскую стратегию развития энергосырьевой экономики и деиндустриализации советского промышленного наследия, то Запад в этом точно не виноват. Западные элиты лишь с изумлением наблюдали за добровольным и стремительным процессом фактической демодернизации России и возвращением ее в ряды стран Третьего мира. В результате такой политики Россия из вполне перспективной и «нормальной европейской страны со своими особенностями» превратилось «в отсталое общество, отчаянно пытающееся модернизировать себя, догоняя Запад и постоянно опаздывающее», утверждает Кагарлицкий⁹.

Вот только насколько эффективной является стратегия догоняющей модернизации, для страны, которая, начиная с эпохи Петра I, пытается догнать ушедшего вперед лидера-Запад, и так его не догнала, несмотря на огромные усилия и колоссальные жертвы? Ведь сам Запад став эталоном Современности на целые века, никому не подражал.

Философ Леонид Поляков справедливо указывает, что в России быть настоящим западником – это не значит на веки вечные копировать, заимствовать и подражать. По его мнению, российские «титупные западники навязывают своей стране модель «догоняющего развития», что ничего иного, кроме настроения исторического поражения (отмечено нами – В.Б.), здесь не появится. Поэтому, парадокс-то в том что стать в России настоящим западником – это прежде всего воспринять инновацию как дух Запада. Так почему же, стремясь подражать Западу, мы должны выбирать самую тупиковую форму этого подражания- плестись в хвосте западных, в том числе и политических инноваций? Почему должны отказывать самим себе в праве на критику тех же наших западных «учителей»? Зачем сразу кричать: «Караул! Анти-Запад!»¹⁰.

Рассуждение верное. Не бывает успешной подражательной догоняющей модернизации и та страна, которая пытается таким образом догнать лидера, все время будет отставать. Чему свидетельствует исторический опыт.

Само осознание того что в полукриминализованном и антисолидарном обществе никакого европейского правового государства и цивилизованного рынка построить по определению невозможно, пришло как это не удивительно звучит намного позднее. Однако это «открытие» сделанное властной элитой и придворными масс-медиа в 2000-е годы, вовсе не привело к отказу от тупиковой экономической и социальной политики. Скорее наоборот, осознав, что России «не светит» в ближайшее время слезть с нефтегазовой «иглы» и сформировать независимый от власти средний класс собственников, Кремль стал затушевывать свою неэффективную политику, маскируя ее в «одежды» так называемой концепции «суверенной демократии» (В. Суркова). Смысл этой концепции заключался в том, что она была адресована сразу двум адресатам: Западу и российским гражданам. Западному адресату указывалось, что Россия, хотя имеет европейские традиции, но с российской спецификой, а значит навязывать нашей стране модель западной демократии вовсе нельзя, в смысле- «не учите нас жить», а еще лучше «отстаньте от нас». А для внутреннего адресата (российских граждан) эта концепция утверждала, что «гнилая» западная демократия со свободой слова, независимостью суда, ответственностью властями перед населением и социальной защищенностью граждан для России вовсе не подходит и более того, эта демократия «нас» может погубить. Она в принципе ложная и к тому же приведет к утрате самого драгоценного, что есть у России, ее суверенитета.

К концепции «суверенной демократии» в той или иной степени примыкает концепция «особого пути» развития России, которую любят муссировать отечественные СМИ и околонучная «консервативно-патриотичная» публицистика с ее неизменной ненавистью к либералам, «жидомасонам», «агентам западного влияния» и, разумеется, к Западу. Однако «особый путь» развития России, с моноцентризмом власти и патернализмом государства по отношению к населению, на деле оборачивается лишь имитацией демократических институтов, не подконтрольностью власти, вернее, ее безответственностью перед собственным населением, деградацией социальных институтов, но при этом умело прикрытую фальшивыми и трескучими фразами и лозунгами о патриотизме, типа: «Россия, вперед!». Неудивительно, что ложь и фальшь пропаганды о патриотизме, на фоне углубляющегося раскола между властью и обществом, правового произвола, мздоимства и казнокрадства, в итоге и привело российское общество к массовым митингам протеста зимой-весной 2011-2012 годов.

Нищета официальных политических концепций и теорий, маскирующих систему крайне неэффективного мафиозно-феодального чиновничье-корпоративного капитализма, позволяет сделать нехитрый вывод, в духе марксистского выражения: «Бытие определяет сознание». Другими словами оболочка периферийного капитализма с ее регрессивными социальными формами, в которой замкнута современная Россия, априори будет диктовать постоянное воспроизводство адекватных ей идеологических форм и концептов. Принципиально иных официальных концепций в рамках существующего режима просто быть не может, они будут просто отторгнуты.

2. Культура симуляции, или «Бабло побеждает зло!»

Почему не получается обещанная властями «настоящая» модернизация страны? Только лишь потому, что сама логика периферийного положения России диктует ей незавидное состояние экономики, социальной сферы и культуры? Нет, не только. Подойдем к проблеме с другой стороны. На этот раз со стороны сознания. Поэтому, сосредоточимся на идейном и смыслодержателем базисе российского общества и его культуры.

Идейная канва российского общества столь же нища, как нища ее политическая и социально-экономические сферы. Теперь попытаемся объяснить.

Любую культурную политику определяют сверхценности и сверхидеи которые являются ориентиром для любого амбициозного общества пытающегося выйти на столбовую дорогу лидера и духовного преобразователя если уж если не всего человечества, то уж, по крайней мере, своего культурно-исторического региона-цивилизации. История человечества знала немало таких амбициозных обществ, вершителей исторических судеб многих народов. Русские как раз и являлись одним из таких амбициозных народов (наряду с англосаксами), которые пытались, по крайней мере, один раз в истории (в XX веке) возглавить и духовно преобразить все человечество. Всемирный коммунистический проект, однако, оказался не по силам, народу, энергию которого безжалостно эксплуатировала партийная верхушка. Подобную сверхзадачу ставили и пытались

осуществить американцы на рубеже XX и XXI веков и тоже надорвались от такой непосильной ноши.

Однако сегодня речь не идет о запредельных для ноши любого общества проектах, типа спасения всего человечества. Нет, исторический опыт свидетельствует, что имперское время рано или поздно хоронит любую империю, а вместе с ней и общество которое являлось имперостроителем и имперодержателем.

Если задаться вопросом, какой культурной парадигме следует российское общество, вернее его элита? Вопрос не простой. Налицо судорожные метания в попытках сформировать новороссийскую культуру разбавив ее остатками досоветских и советских культурных элементов. Получается удивительный постсоветский гибрид, скрепленный массовой культурой потребления, имеющий в своем арсенале неоимперский (византийско-советский) стиль, неофеодализм (бюрократическо-предпринимательская рента исходя из чиновничьей иерархии) и неоправославие (православие на службе псевдорыночного и псевдодемократического государства). Неудивительно, что единая российская нация при таком культурносмысловом винегрете, так и не была сформирована.

Кто в стране формирует Культуру? В большей степени телевизор, массмедиа и в меньшей степени-интернет (пока). Так или иначе, сегодня телевизор и телеканалы с различными ток-шоу в основном формируют идеологию вкусового политического и культурного потребления подавляющего российских граждан, как верхов, так и низов. Демократична ли, подобная культура разнообразного материального и духовного потребления? Безусловно, да, и в этом ее главный примиряющий смысл между абсолютно неравноправными гражданами одной страны. Супермаркет удивительным образом уравнивает многих и богатых и бедных: поскольку и те и другие зачастую стоят в одних очередях. Вопрос лишь в количестве и качестве потребляемых благ и досуга. Кто-то удовлетворяет себя отдыхом на Мальдивах, кто-то с бутылкой пива в дружеской компании (в гараже, или во дворе).

Именно через телевизор, интернет и потребление вещами, а не через одинаковые права (которых в России в помине нет), российские чиновники и крупные бизнесмены, с одной стороны и наименее статусные и материально обеспеченные граждане с другой стороны, ощущают некую сопричастность друг с другом, выражаемую в таком абстрактном понятии как российская нация.

В то же время современная культура предельно недемократична, поскольку она покоится на неравенстве прав, неравного доступа к материальным и духовным благам, карьерном росте, корпоративизме и отсутствии элементарной солидарности. По словам Ашкерова, капитализация жизни в России в первом десятилетии XXI века обернулась крахом надежды на обретение горизонта «общих дел», «и окончательно изъяла добродетель и благо (как ее принцип) из прагматического контекста. Россия нулевых – это царство товарного фетишизма»¹¹. «Деньги в России», вторит ему исследователь Носкович приобрели «функцию всеобщего эквивалента духовных ценностей. Отсюда такие понятия, как долг, честь, совесть, служение идеалу, вымывается из сферы общественного сознания»¹².

Такая экономикоцентричная одномерность общественных потребностей, с одной стороны должна свидетельствовать о факте наличия в стране полного и зрелого капиталистического общества, в соответствии со всеми его критериями успешности, как это мы наблюдаем в развитых странах Запада. Но в России в условиях периферийного капитализма рыночные механизмы приводят к совсем другим результатам. Такой капитализм вполне себе соседствует с отсталыми докапиталистическими укладами. Например, с тем же самым феодализмом, который в условиях существования периферийного капитализма принимает формы неофеодализма и административной клановости. В неофеодальной иерархии «вертикали власти» размер «ренты», степень свободы и «особых прав»¹³ соответствует тому положению в «Табели о рангах», который занимает тот или иной представитель правящего сословия. Однако в отличие от Российской империи в современной России статусная стратификация и размер ренты находятся в постоянной динамике из-за борьбы отдельных политических кланов за собственность (феномен рейдерства) и новые статусы в иерархической лестнице.

В стране, таким образом, сформировалось господствующее сословие номенклатурных бизнесменов, настоящих хозяев жизни, для которых государственная служба является сверхдоходным занятием. При этом в соответствии с господствующим в стране трендом официального «казенного патриотизма», данные господа хорошо усвоили правила игры и язык господствующего сословия – «государевых людей». На практике это выражается в подчеркивании своей «особой» любви к «родине» – «матушке-России», в гордом именовании себя «настоящими

патриотами». Следование патриотическому «дискурсу» нисколько не мешает им жить налаженной жизнью чиновников-«кормленщиков», то есть получать взятки, требовать «откаты», участвовать в очередном «распиле» государственной собственности. Приватизация «патриотизма» и других форм символического капитала чиновничье-буржуазной верхушкой, позволяет им намного прочнее удерживать свою власть над страной и ее ресурсами в отличие от «непатриотичных» олигархов 90-х годов прошлого века. Более того верноподданная риторика и публичные клятвы в верности «самодержцу» (Путину) и Родине (которая в глазах чиновников выглядит царской вотчиной) являются для чиновников своеобразной индульгенцией за «нецелевое» расходования ими государственных средств и элементарную коррупцию. При этом следует помнить, что в условиях нефеодално-криминально-капиталистического режима в России сама коррупция не является криминальным отклонением от нормы, а является особой формой *административного предпринимательства в условиях сращивания власти и собственности в руках новорусских бояр*.

Этические нормы российских чиновников и их отношение к сложной «диалектической» связке «Родины и денег» хорошо иллюстрирует отрывок из романа Натана Дубовицкого «Машинка и Велик». В примечательном диалоге генерала полиции Кривцова (отца) со своей маленькой дочерью Машинкой (Машенькой – В.Б.), генерал со всей непосредственностью объясняет дочери (простодушно обвинившей отца в воровстве и коррупции) почему он отнимает у людей деньги и берет взятки. Приведем отрывок. «Ты должна знать, доченька, все, все деньги берут. Кто много, кто мало. Берут, воруют, отнимают друг у друга. Такова жизнь... Но я вот, к примеру, взятки беру почему? Потому что право имею. – Какое право? – А я, Маш, родину люблю. Россию нашу. Я, Маш, за нее, матушку, жизнь отдам. Ты же знаешь, я в Афгане и в Чечне воевал. А эти все-министры, там, в Москве и Сыктывкаре, да все эти при них прощелыги-олигархи, они родину нашу грабят, а случись чего – первые убегут. По заграницам рассосутся. Они воевать не пойдут.

Я, Машенька, конечно, деньги у таких, как они, получаю. Ведь не все же иудам отдавать, надо же и патриотам что-то оставить... Они не имеют права страну грабить, потому что не любят ее. А я имею, потому что люблю. Понятно? – Понятно, пап, – Машинка, кажется, была удовлетворена объяснениями»¹⁴.

Таким образом, перед нами типичный образец современной и «гибкой» риторики *коррумпированного патриотизма* российской элиты приспособленного к господствующему в стране корпоративно-клановому капитализму с его системой ценностей выражаемых в принципе: «Бабло побеждает зло».

Однако предельно рыночное общественное сознание, в котором не только вещи, но и люди и отношения между ними являются товаром и имеют себе цену, господствует не только в верхах, но и в низах и в массах всего российского общества. Например, тот же рабочий класс превратился в люмпен-класс, как это со всей яркостью художественного таланта показано в довольно угнетающей для зрителя кинокартине «Елена» Андрея Звягинцева.

О таком состоянии общественного сознания при капитализме писали еще такие классики как В. Зомбарт¹⁵ и Э. Фромм. Собственно это мы наблюдаем в современной России, когда при общей деградации общественной морали рыночные (товарно-денежные) отношения во многом определяют мотивы и поступки людей. Российское общество в целом является обществом городских потребителей, где 74% населения страны проживает в городах. Это общество сложносегментированное и стратифицированное, в то же время живет беспечной однодневной жизнью и заражено потребительством также как это происходит в более благополучных странах капиталистического центра (Запада). Разумеется отличие здесь в уровне потребительской корзины. Но главное отличие российского общества от западного в том, что оно отличается от последнего фактическим разрывом общественных связей и социального сотрудничества. Диагноз российскому обществу директора Аналитического центра Юрия Левады, Льва Гудкова таков: полная атомизированность, не просто отсутствие солидарности, а веры в ее невозможность и соответственно неверие в эффективность, и ненаказуемость коллективного действия. Налицо деморализация общества, его нигилизм и равнодушие по отношению к любому насилию и несправедливости со стороны власти по отношению к отдельным представителям граждан. В обществе утвердилась привычка принимать несправедливость и насилие к окружающим как нечто неизбежное и «нормальное». Поскольку люди просто уверены в том что «справедливости вообще», «права вообще», «честности» и т.п., не может быть. Отсюда, по мнению аналитика, «насилие» и «агрессия» превращаются в доминантные коды социальной организации общества¹⁶. Налицо не просто глубокое заболевание российского общества, в силу его безнравственности а

свидетельства его разложения и распада. Как писал о современном испанском обществе философ Хосе Ортега-Гассет в первой трети XX века: «Плохо, когда общество поражено безнравственностью, хуже, когда оно перестало быть обществом»¹⁷. Но, ведь то же самое мы наблюдаем в современной России в начале XXI века!

Клановый административный капитализм с его неформальными общественными связями, nepотизмом и коррупцией, как правило, изгоняет из властных и элитных сред людей ярких и талантливых. Именно их с лихвой и большой выгодой для себя принимает капиталистический центр-Запад. Впрочем, подобное является в порядке вещей во взаимоотношениях капиталистического центра и периферии. Миллионы талантливых и образованных специалистов из стран мировой периферии всячески стремятся выехать на постоянное место жительства в благополучные страны и таким образом самореализоваться в своих профессиях.

Видимо поэтому царством серости называет Россию О. Носкович. Поскольку, по его мнению, в любой области российского бытия, руководящую роль играет середнячок-конформист приспособленный к жизни в обществе всеобщего стяжания и лишённого базовых духовных ценностей¹⁸. Конформизм помноженный на нравственный релятивизм и откровенную политическую демагогию в официальных СМИ, создает видимость (имитацию в духе медведевской модернизации) давно назревших реформ. В итоге российская реальность отторгает творцов во всех сферах жизни нацеленных на качественное преобразование действительности, создание новых продуктов и технологий. Даже в бизнесе крупнейшие отечественные олигархи смогли заработать в отличие Билла Гейтса, Стива Джобса, свои миллиардные состояния лишь примитивной скупкой и перепродажей сырьевых ресурсов, а не созданием новых прорывных технологий¹⁹. Вспоминается любопытный эпизод из кинофильма Generation II (по одноименному роману В. Пелевина), когда главный герой В. Татарский устраивается на работу криэйтором (творец, создатель с англ.) по рекламному маркетингу, уточняет у работодателя свои профессиональные обязанности, спрашивает: «Так я буду работать творцом? Нет Вован, криэйтором, творцы нам на ...й не нужны!» И в этом суровая, правда нынешней России, поскольку творцы и преобразователи не нужны стране переживающей новый виток политической брежневизации почти ничего не производящей и мечтающей лишь о высоких ценах на нефть и газ.

Интеллигенция, которая всегда в истории России задавала тон в формировании духовной традиции, оказалась абсолютно бесплодной, духовно иждивенческой и уступила свою традиционную роль бюрократии и Церкви²⁰. Тем самым в России создается угроза дальнейшему функционированию большой традиции массового Просвещения, которая была успешно реализована при советско-коммунистической власти. На практике это означает что Высокая Культура, выраженная в традиции русской классической культуры, заменяется культурой массовой соответствующей для большинства полубразованных «россиян». Прощание с Высокой Культурой на деле означает лишь дальнейшее духовное вырождение нации ранее задававшей себе и миру высокую планку.

В то же время развитие компьютерно-информационные технологии создает невиданные раньше возможности для самообразования и массового приобщения к духовному наследию. Подобное, невозможно было представить, каких-нибудь 20 лет назад. Однако в условиях общего падения стандартов Высокой Культуры, вузовского и школьного образования, мультимедийная техника используется в основном для развлекательного заполнения досугового времени сетевым обществом. В то же время приобщение к интернет-культуре наряду с господствующей культурой потребления (конъюмеризмом) в какой-то степени затушевывает социально-экономическое неравенство в обществе и помогает снять возникающее на этом фоне психологическое напряжение неудовлетворенностью жизнью для «сетевых хомячков». Однако при этом теряется связь с реальной жизнью и возможностью практически влиять на российский политический и социальный ландшафт. Социальные сети и блогосфера в сетевом культурном пространстве, лишь виртуализируют реальность, предлагая ее в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков. В результате, по словам Михаила Морозова, в России победила культура симуляций, которая заменила рухнувшую систему прежних нравственных ценностей и общенациональных ориентиров²¹. Симуляция культуры окончательно хоронит культуру Общего Дела и заменяет ее игрой словесных дискурсов и смыслов оторванных от конкретных созидательных дел. Неслучайно, как иронично выразился Пелевин в одном из своих постмодернистских романов, основами российского мироздания являются дискурс и гламур²².

Но культура гламура была модным направлением в столице в нулевые годы и в докризисный период, потеряв свою актуальность для современной российской элиты занятой в

настоящее время поиском различных социальных технологий и политий для объединения, рассыпавшего на множество социокультурных осколков и идентичностей, российского общества. Поэтому распространенной сентенцией сегодняшнего дня является утверждение, что российская культура преодолела культуру гламура нулевых годов и в ней формируются новые формы и стили, условно называемые «постгламуром».

Но наш взгляд рано еще хоронить культуру гламура. Скорее наоборот, культура гламура (глянца) разошлась «вширь» и охватила всю страну, в первую очередь ее провинцию. Объясняется это тем, что в современной России при упадке провинциальной культуры, Москва играет роль задающего стандарты моды, вкуса и стилей, центра, которого копирует безгласная провинция, слепо копирующая настроения столичного праздного класса. А поскольку мода и вкусовые пристрастия распространяются в огромной стране медленно, то не удивительно, что в провинции, зачастую модным и трендовым становится то, что выходит из моды в столице. Поэтому, в отличие от столицы (переживающей переходное состояние) в провинции гламур находится скорее в самом расцвете, а не в состоянии упадка. Но при этом культура глянцевого потребления удивительным образом становится сопряженной с общероссийским трендом в сторону укрепления церковных институтов и религиозных ценностей.

3. Государственно-церковный тандем и псевдорелигиозная солидарность.

Нельзя не заметить того, что в условиях привычной для России имитационной демократии и новоявленного патриотизма, уже не модным является неприкрытый цинизм в духе высказывания в 2008 году бизнесмена Сергея Полонского: «У кого нет миллиарда, могут идти в ж...» После экономического кризиса и протестных выступлений оппозиции 2011-2012 гг., настроения в общественных массах изменились. Но изменения оказались не столь радикальными, чтобы полностью сменить инерционную культурную традицию 00-х годов. Наблюдается ее новая мимикрия, но уже в альянсе (тандеме) с церковно-православной культурой получившей одобрение у властей.

Осознав, что ни власть, ни интеллигенция не могут «вымучить» национальную идею для страны по-прежнему пребывающей без цели в переходном состоянии, Кремль, вступив в идеологический альянс с московской Патриархией, и стал негласно подменять пребывающую в состоянии анабиоза светскую систему мировоззренческих ценностей религиозными. При этом о полной замене светской культуры на религиозную речь не стоит, государство приглашает Церковь заполнить лишь те ниши и области, в которых оно само не справляется. Задача заключалась в том, чтобы через религиозную аскезу и жертвенное служение попытаться остановить общее разложение в обществе развращенное безудержным потреблением и тем самым укрепить вертикаль власти в случае негативного сценария, связанного например, с падением цен на нефть и последующим социальным взрывом. Для Кремля не секрет что уровень бытовой нравственности и морали является столь низким в стране, а преступность и коррупция столь высокими, что на помощь себе государство зовет Церковь, вовлекая ее в решение злободневных социальных проблем, причем не только православную. Мусульманское духовенство, традиционного толка, также получает карт-бланш от Кремля в укреплении религиозно-идеологической и нормативно-бытовой власти над миллионами российских мусульман. Тотальной исламизации подвергаются целые регионы, например Северный Кавказ. А его лидеры, например Рамзан Кадыров (в Чечне) и не скрывают что в проведении государственной политики, главным для него является следование нормам и ценностями ислама и только потом светскому общефедеральному законодательству²³.

Сложившийся государственно-церковный тандем скрепляется негласным политическим союзом двух харизматичных лидеров: президента Путина и патриарха Кирилла (Гундяева) - напоминающего церковного реформатора Никона. Обе фигуры, по своим политическим амбициям вполне достойны друг друга. Кирилл, как и Путин на постсоветском пространстве, пытается не только не допустить церковного раскола на «канонической территории» РПЦ (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия), но и расширить территорию православного «русского мира» за счет включения в него территорий и приходов русского зарубежья. Большой удачей в этом вопросе явилось объединение (большую роль в этом сыграли, митрополит Смоленский-Кирилл и президент Путин) двух церквей: русской православной (Московская патриархия) и русской Зарубежной Церквей. По словам Дмитрия Тренина, Кирилл не только покончил с «пассивной обороной» РПЦ в русскоязычном пространстве, но и фактически объявил себя духовным вождем «Святой Руси»²⁴. Следует отметить что, в нынешнем союзе: Кремля и православной Церкви нуждаются обе стороны. Власть через Церковь пытается получить явно недостающую для нее легитимность и поддержку общества, Церковь, получая от государства материальную и

политическую поддержку способна вытеснять противостоящие ей религиозные конфессии, культы, захватывать и «окормлять» те пространства и институты (например, школу), которые ранее не входили в сферу деятельности православной Церкви. Как пишет А. Ашкеров, «Церковь действует заодно с Государством, а государственная знать сливается с церковной, вплоть до полной неразличимости. Церковь превращается в партию, в партию большинства наших сограждан»²⁵.

Большое значение придает этому союзу и Кремль, который видит в нем возможность не только остановить продолжающую нравственную деградацию российского общества, но и способно путем оцерковления насквозь коррумпированной элиты морально оздоровить последнюю, вдохнув в нее оживляющее православно-религиозное начало. Пример такому оцерковлению подают и сами российские лидеры: Путин и Медведев, часто присутствуют на церковных богослужениях. В то же время священнослужители все более активно вовлекаются не только в культурную и социальную жизнь, но и в политическую сферу, всячески одобряя и поддерживая правящий политический режим.

Фактически это означает, что возвращается в медийное пространство давно забытая уваровская теория официальной народности: Православие-Самодержавие-Народность сдобренной развитой культурой потребления, как в верхах, так и в массах общества. Консюмеризм впрочем, не только не исчезает, а как бы примиряется с церковно-религиозной этикой и таким образом негласно ей узаконивается.

Основная и консервативная масса населения в институте церкви и институте президентства (самодержавия) видят свою неразрывную связь с традицией тысячелетней России на фоне тотального недоверия населения к государству вообще и утрате веры в социальную справедливость. В то же время, как показывают социологические опросы, доверием российского большинства пользуется именно Церковь и президент (царь) Путин.

При всем, казалось бы, историческом обскурантизме этой идеологемы (Православие-Самодержавие-Народность), она в то же время отвечает некоей особости России в современном мире, не сводимой ни к Западу, ни к Востоку. Но такая «особость» России лишь консервирует ее в целом тупиковый путь развития периферийного характера российского капитализма с нефтегазовой рентой и препятствует настоящей демократизации, страны в которой именно общество, а не государство должно стать главным субъектом и творцом русской истории. Такая архаичная для XXI века, симфония властей (государственной и церковной)²⁶ лишь закрепляет подданнический тип культуры в российском обществе и препятствует его консолидации на основе светского гражданского активизма и солидарности.

Символично, что сегодня, в продаже очень много «оцерковленно-публицистической» литературы, в которой авторы представляют себя как «православными писателями», «православными историками», что по определению должно предполагать некий «высший» символ качества написанных ими работ. Однако на проверку выходит, что написанное такими авторами лишь массово воспроизводит знакомые еще читателю XIX века, фобии на тему жидо-масонского «заговора» против православной России, ее «национального лидера» – Путина, непрекращающейся холодной войны Запада против России. Подобные авторы с жаром сообщают читателям, запугивая их «фактами» «предательства» и «вредительства» «врагов» России – навалых, удалцовых, немцовых и т.д. И тем самым вносят свой вклад в ширящийся раскол в обществе, разделяя его на «наших» и не наших».

Показательно и изменения в официальной позиции Православной Церкви по поводу модернизации в стране. Если раньше патриарх Кирилл во времена президентства Медведева неоднократно положительно высказывался о необходимости для России модернизации, то в связи с резким политическим «похолоданием» в стране в связи с возвращением в Кремль Путина, его точка зрения изменилась. В своем выступлении в телепередаче «Слово пастыря» 3 ноября 2012 года посвященной празднованию Дню народного единства 4 ноября, Кирилл сравнил современных отечественных модернизаторов с «предателями» Отечества далекого Смутного времени. Игумен Сергей (Рыбко) пошел дальше и резко высказался по поводу «несистемной оппозиции» в стране. В своем телеинтервью от 29 октября 2012 года игумен назвал участников протестов на Болотной площади «врагами народа». Днем позже Сергей раскрыл свою мысль еще более полно: «Что касается «болотной» оппозиции, то их правильнее будет назвать врагами России»²⁷.

Однако нельзя не заметить, что, несмотря на большую политическую и материальную поддержку церкви со стороны государства, личную энергию патриарха, успешные попытки установить пастырский контроль над многими государственными институтами, на проверку

консолидировать и сплотить крайне разобщенное и индивидуалистическое российское общество, православной Церкви пока не удастся. И причина вовсе не в том, как утверждают церковные деятели, что против Церкви идет настоящая «информационная война», инициированная некими «антиправославными» или «антирусскими» силами. Хотя доля истины в этом есть. Но на нападки откровенных провокаторов типа PussyRiot и им подобных, у Церкви всегда в достатке своих «защитников»: радикалов и религиозных фанатиков-«хоругвеносцев», ряженых казаков и т.д. Проблема в другом.

Опасно сблизившись с государством, вернее с его правящим режимом, проводящим по сути антинациональную политику в интересах узкого слоя чиновников и компрадорской буржуазии, изначально поддерживая власть в ее борьбе с оппозицией, Церковь на глазах утрачивает доверие интеллектуальной части общества, которое стремится к коренному изменению российского государства в сторону его очеловечивания и формирования в нем гражданской солидарности. К тому же обилие людей в храмах, еще не свидетельствует о достижении социальной гармонии в российском обществе, не живущем по христианским заповедям. И в этом отношении оправославленная Россия не выдерживает сравнения с атеистическим Советским Союзом. Возьмем ли мы уровень преступности, агрессии в обществе, или уровень эгоизма, «душевности», «отзывчивости», общественной солидарности и взаимопомощи, нынешняя Россия значительно проиграет канувшему «в лето» СССР. И это звучит, как приговор стране, где так активно внедряется религиозная мораль и нравственность.

Фактически же в России, скорее всего, наблюдается распространение обрядового православия, но не христианского духа воплощенного в Евангелие. Как пишет социолог Борис Дубин, «...вступает в действие механизм присоединения к большинству: я не хочу оказаться вне народа, России, истории... То есть мы имеем дело с мифологией слабых людей, компенсирующих сознание того, что у них нет ни силы, ни ответственности, – а таково самосознание трех четвертей россиян. Отношение к вере аналогично отношению к государству: словесная демонстрация приверженности – да, а включенность в реальную деятельность – нет»²⁸. Другими словами, подобная «религиозность» аналогична и показной патриотичности россиян, привыкших как научил «телеящик» к пафосной «говорильне» «национальных» лидеров и лишь к имитации своей «православной» деятельности, но с отказом от конкретной христианской помощи к «ближним».

Таким образом, в России наблюдается лишь видимость консолидации российского общества вокруг религиозных ценностей в государстве, где общество по-прежнему задавлено властью, и проявляет пассивность.

В то же время нельзя и признать факт массового стремления части молодежи и образованного населения к поиску иных, помимо Церкви форм религиозной веры. Разочарованные церковным авторитаризмом, отсутствием терпимости к инакомыслящим, сближением Церкви с государственной властью, адепты новых религиозных форм осваивают менее авторитарные конфессии в которых между человеком и Богом, нет промежуточного звена в виде церкви. Кроме этого наблюдается явная индивидуализация религиозной веры и отход от коллективных религиозных форм. Собственно говоря, подобное наблюдается и в развитых странах Запада, где традиционные религии и их церковные институты резко сокращают число своих прихожан, зато там увеличивается число «индивидуалов» и адептов смешанных конфессий.

4. К вопросу о новой культурной и мирополитической стратегии России.

В России существует настоятельная необходимость в общественном объединении расколотые на касты, сословия, общественные фрагменты и субкультуры людей пребывающих в состоянии нетерпимости и войны «всех против всех» друг к другу, в единую нацию Общих Дел, устремленных к Светлому Будущему. Пусть это звучит пафосно и гордо, но страна по горло наелась приземленностью. Что делать?

Во-первых, следует избавиться от тех укорененных в общественном сознании традиций, которые мешают построить современную российскую нацию соответствующей духу времени начала XXI века.

Горячо уважаемый автором (В.Б.) за музыкальное творчество и гражданскую позицию Юрий Шевчук в своей статье в «Новой газете» (27.08.2012) как раз и призывает читателей освободиться от ряда подобных традиций. Каких же? Например, «...от любимой нами привычки обожествлять власть, трепетать перед ней, верить в ее несменяемость и непогрешимость, обливаться слезами любви к народу, при этом обвешивая его откатами и другими коррупционными деликатесами, холить и лелеять темноту и невежество, видеть везде врагов, бояться будущего. Полемики душа просит, полемики на цивилизованном уровне двадцать первого

века, а не на языке Троцкого и Ивана Грозного. Дорогие фанатики, пожалуйста, отстаньте от России, не спасайте нас, иначе точно всем придет кирдык!»²⁹. Очень точно сформулированы классиком русского рока «пещерные» традиции которые мешают стране успешно развиваться.

Во-вторых, следует избавиться и от ложных ориентиров и капитулянтских форм современных идеологических конструктов и так называемых «ценностей». Поскольку они лишь отображение государства и общества, пребывающих в постгламурной дымке периферийного капитализма сдобренного коррумпированным патриотизмом неофеодализма и неоправославия.

В третьих, следует генерировать новые ценности и образцы поведения, культурные смыслы. По словам Виталия Третьякова, России нужна позитивная миссия для нее самой, миссия, воплощенная как в позитивном идеале (русская утопия, или русская мечта), так и в позитивной практической цели³⁰.

Вопрос не ставиться в нигилистическом отрицании большой культурной Традиции, а в стремлении творческого освоения ею, для воспроизводства новых культурных смыслов и идей, которые бы общество двигали вперед. Во все века, те народы, которые смогли овладеть Современностью, и адаптировать к ней свою культуру так чтобы она шла в ногу со временем, а не плелась в хвосте, те народы и государства являлись лидерами мирового исторического процесса. Подчиняя настоящее и будущее творческой активности своей культуры, они возглавляли эволюционный исторический процесс, находясь в авангарде мирового исторического развития. Именно так большевики, сломав старую культурную Традицию, попытались верша новую историческую Традицию сами стать эталоном и образцом для подражания для многих стран и народов всего мира! Да, это была Утопия чистой воды, мировая Иллюзия (как у индусов- майя) и даже Обман и самообман! Но каков масштаб! Какие грандиозные и завораживающие дух свершения! «Мы» (пусть даже не все население страны отождествляло себя с этим местоимением) в течении 70 лет во многом определяли мировую политическую и культурную повестку Современности.

Отсюда в четвертых, на сегодняшний день Россия должна выбрать собственную национальную модель модернизации, коренным образом отличающейся от нынешней маргинальной модернизации навязанной ей извне глобальным капиталистическим рынком и компрадорским политическим режимом внутри страны. Поскольку нынешний режим в принципе не способен на такую модернизацию, то пробудившее для созидательной деятельности общество должно, собраться с духом и помахать ему рукой в духе: «Давай до свидания!»

При этом следует помнить, что национально-созидательная модернизация которая должна покончить с унижительным положением России в капиталистической миросистеме может иметь успех только в том случае, если будет опираться на массовый запрос всех общественных групп и слоев российского общества, а не его узкой части – прогрессивного меньшинства. Кроме этого, основа такой модернизации должна покоиться на компромиссном варианте для всех граждан (верхов и низов, атеистов, православных и мусульман и т.д.) России типе общецивилизационной и национальной модели идентичности. Но это лишь полдела. Главной сверхзадачей для России в XXI веке – *стать одним из ведущих духовных лидеров человечества*. Россия как страна с великой и гуманистической культурой способна предложить миру новые универсальные и справедливые решения глобальных проблем современности, учитывающие интересы всего человечества. Это вполне по плечу России, которая может и должна стать мировым инновационным лидером в выборе наиболее оптимальной и справедливой стратегии развития для всего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лужков Ю.М. Транскапитализм и Россия. – М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. С.71.
- 2.<http://video.yandex.ru/users/neuromir-itv/view/42/user-tag/андрей%20фурсов/#>
3. Александр Неклесса. Мир индиго. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита. http://intelros.ru/pdf/de_futuro/neklesa.pdf
4. Сергей Сергеев. Имитация культуры // Пришествие нации? Книга статей. «СКИМЕНЬ» М. 2010. С.259.
5. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма. – М.: Издательская группа «СКИМЕНЬ», 2011. С.10.
6. Мартыянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.352.
7. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2012. С.414.

8. Мартыянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире... С.21-22.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. С.32.
10. Леонид Поляков. Полемика со статьей Александра Пумпянского «Анти-Запад» («НГ» от 14.02.08). /НГ.12.03. 2008.
11. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма...С.10
12. Олег Носкович. Россия-царство серости // НГ. 31 октября 2012 г.
13. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма...С.12.
14. Цит. по роману Натана Дубовицкого «Машинка и Велик» // Новая газета, № 96. 27.08.2012).
15. Зомбарт. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура / Пер. с нем.-М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. С.403.
16. Лев Гудков. Проблема ценностей в посттоталитарном социуме / НГ.9.04.2008.
17. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-Гассет. – М.: 000 «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. С.67.
18. Олег Носкович. Россия-царство серости...
19. Там же.
20. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма...С.285.
21. Морозов М. История в стиле «поп» // Искусство кино. - 2009. №1 – <http://kinoart.ru/archive/2009/01/n1-article2>
22. Там же.
23. См. телепередача «Неделя с Марианной Максимовской» от 24 ноября 2012 г. <http://www.youtube.com/watch?v=qBWeqQFKQwY>
24. Дмитрий Тренин. Post-Imperium: евразийская история. М.:РОССПЭН, 2012. С.300.
25. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма...С.142.
26. Анатолий Черняев. Фальшивое исполнение «симфонии» // НГ-Религии. 17 октября 2012.
27. Владислав Мальцев. Церковь открестилась от модернизации // Там же.
28. Анатолий Черняев. Фальшивое исполнение «симфонии» // Там же.
29. Юрий Шевчук. Письмо деткам, которые слушают рок и рэп. От дяди Юры-музыканта // Новая газета. № 96. 27.08.2012.
30. Бесхребетная Россия. Виталий Третьяков. – Электронный ресурс. – Режим доступа: [INTELROS.RUhttp://www.intelros.org/lib/statyi/tretyakov1.htm](http://www.intelros.org/lib/statyi/tretyakov1.htm)